

УДК 821.161.1-31

DOI: 10.34670/AR.2026.38.12.003

**Портрет следователя Порфирия Петровича в романе
Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»:
художественный, психологический и символический ракурсы**

Войтович Айнур Ханлар кызы

Преподаватель,
подполковник полиции,
Тюменский институт повышения квалификации МВД России,
625049, Российская Федерация, Тюмень, ул. Амурская, 88;
e-mail: hazar22@rambler.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию образа следователя Порфирия Петровича в романе Фёдора Михайловича Достоевского «Преступление и наказание». В центре исследования — портрет следователя, рассмотренный последовательно и подробно с трёх точек зрения — художественной (визуальной), психологической (эмоциональной) и символической (семантической), в их взаимосвязи и взаимодополняемости друг с другом. По итогу исследования, с одной стороны, сделан вывод о крайне глубокой проработке данного образа автором, а с другой стороны, в очередной раз отмечены мастерство и гениальность Достоевского как художника (художника слова, художника образов, художника смыслов).

Для цитирования в научных исследованиях

Войтович А.Х. Портрет следователя Порфирия Петровича в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: художественный, психологический и символический ракурсы // Культура и цивилизация. 2026. Том 16. № 2А. С. 23-31. DOI: 10.34670/AR.2026.38.12.003

Ключевые слова

Достоевский, литература, роман «Преступление и наказание», художественный язык, символизм, управление рисками, методология исследования.

Введение

Существуют на свете будто бы некоторые такие лица...
(Порфирий Петрович, «Преступление и наказание»)

Роман «Преступление и наказание» уникален и многогранен по своему содержанию и смыслу, как и всё творчество Фёдора Михайловича Достоевского. С самого момента создания, «Преступление и наказание» вызывает пристальное внимание исследователей самых разных специальностей – филологи, историки, юристы, психологи, все находят в нём что-то интересное для своих научных изысканий.

Многогранны и глубоки и персонажи романа. О многих написаны уже десятки работ. В том числе вызывает интерес у исследователей и один из наиболее ярких и неоднозначных персонажей романа – следователь Порфирий Петрович. В частности, на сегодняшний день подробно изучены такие стороны этого героя как: следственные методы и оценка его работы как следователя, его манипулятивные и психологические навыки, сравнение его действий с требованиями действующего (на тот момент) законодательства, его довольно оригинальная речь и манеры, его философские взгляды, общие черты его образа, и, наконец, его возможные прототипы [Адамян, Алексеева, Брежинский, Ветловская, Ищенко, Касаткина, Квашина, Монолаев, Нестеренко, Першкина, Сафонова].

Основная часть

С опорой на эти работы, и на собственный анализ образа вышеуказанного персонажа, мы ставим в данном исследовании конкретную цель – представить подробное всестороннее описание в первую очередь именно портрета Порфирия Петровича, в его многообразии с различных ракурсов рассмотрения, как заявлено в теме, с художественного, психологического и символического ракурсов. Выбор этой темы обусловлен тем, что с этих точек зрения образ следователя в романе «Преступление и наказание» подробно не изучен. Как, в связи с этим, очень точно отмечает С.М. Соколовский: *«Вопрос о личности в творчестве Достоевского до сих пор остаётся нерешённым, спорным, вызывающим множество разноречивых толкований. Персонажи в его произведениях показаны в такой своеобразии по сравнению с предшествующей и современной литературой, с такими непонятными и во многом ни с чем не сравнимыми противоречиями и странностями, что к ним вновь и вновь обращаются как к проблеме, требующей дальнейшего осознания и определения»* [Соколовский, с.9].

Первый ракурс, на котором мы заострим свое внимание – художественный. Ведь в начале любого процесса общения мы опираемся на эстетические грани внешнего образа человека. Художественный портрет Порфирия Петровича представлен в пятой главе третьей части романа, при визите Раскольников на квартиру следователя: *«Это был человек лет тридцати пяти, росту пониже среднего, полный и даже с брюшком, выбритый, без усов и без бакенбард, с плотно выстриженными волосами на большой круглой голове, как-то особенно выпукло закругленной на затылке. Пухлое, круглое и немного курносое лицо его было цвета больного, темно-жёлтого, но довольно бодрое и даже насмешливое. Оно было бы даже и добродушное, если бы не мешало выражение глаз, с каким-то жидким водянистым блеском, прикрытых почти белыми, моргающими, точно подмигивая кому, ресницами. Взгляд этих глаз как-то странно не гармонировал со всею фигурой, имевшею в себе даже что-то бабье, и придавал ей*

нечто гораздо более серьёзное, чем с первого взгляда можно было от неё ожидать...» [Достоевский, с.229].

Данный этюд позволяет представить визуальный образ Порфирия Петровича – возраст, телосложение, внешний вид. И это, при первом взгляде, образ человека, не претендующего на серьёзную роль следователя – полноватый, бледный, болезненный, добродушный, с «бабьими» чертами в фигуре. То есть, наверное, следователь с такой внешностью, вряд ли произведёт серьёзное либо устрашающее впечатление на преступника. Данный добрый, «мягкий» образ дополняется и далее по тексту, например, в пятой главе четвёртой части, при визите Раскольников в служебный кабинет следователя, мы встречаем такие описания Порфирия Петровича как:

- *«он встретил своего гостя, по-видимому, с самым весёлым и приветливым видом...»* [Достоевский, с.305];

- *«чрезвычайно странною казалась при этом его маленькая, толстенная и круглая фигурка, как будто мячик, катавшийся в разные стороны и тотчас отскакивавший от всех стен и углов...»* [Достоевский, с.306];

- *«рассмешили вы меня очень острою вашего замечания; иной раз, право, затрясусь, как гуммиластик, да так на полчаса...»* [Достоевский, с.308];

- *«по комнате он уже почти бежал, всё быстрее и быстрее передвигая свои жирные ножки»* [Достоевский, с.310];

- *«у меня и фигура уж так самим Богом устроена, что только комические мысли в других возбуждает, буффон-с...»* [Достоевский, с.313].

То есть, со всеми этими дополнениями, в этом образе мы можем представить Порфирия Петровича скорее неким весёлым детским аниматором, выражаясь современным языком, или буффоном, шутком, выражаясь языком того времени, но никак не следователем полиции, расследующим уголовные дела по преступлениям категории тяжких и особо тяжких деяний.

Но, как выше отмечено, этот образ мы видим лишь при первом взгляде на полотно текста, так сказать при поверхностном рассмотрении фигуры с художественного ракурса. Другое дело, и совершенно иное виденье возникает при детальном рассмотрении эмоциональных, душевных штрихов к портрету данного персонажа.

Если с художественного ракурса мы увидели портрет Порфирия Петровича в несколько мягких, тёплых оттенках, то с ракурса психологического мы видим прямо противоположную жёсткую, холодную тональность. Так, например, во время визита Раскольников в квартиру следователя отчетливо формируются следующие эмоциональные описания последнего:

- *«Порфирий Петрович... уставился в гостя, в немедленном ожидании изложения дела, с тем усиленным и уж слишком серьёзным вниманием, которое даже тяготит...Порфирий Петрович... Ни разу не свёл с него глаз во всё время...»* [Достоевский, с.230];

- *«Вам следует подать объявление в полицию, – с самым деловым видом отвечал Порфирий...»* [Достоевский, с.230];

- *«Это всё равно-с, – ответил Порфирий Петрович, холодно принимая разъяснение о финансах...»* [Достоевский, с.230];

- *«О, на самой простейшей-с! – и вдруг Порфирий Петрович как-то явно насмешливо посмотрел на него...»* [Достоевский, с.230];

- *«Вещи ваши ни в каком случае и не могли пропасть, – спокойно и холодно продолжал он...»* [Достоевский, с.231];

- *«А почти все закладчики теперь уж известны, так что вы только одни и не изволили*

пожаловать, – ответил Порфирий с чуть приметным оттенком насмешливости...» [Достоевский, с.232].

- *«И странною показалась Разумихину, рядом с этим тихим и грустным лицом, нескрываемая, навязчивая, раздражительная и невежливая язвительность Порфирия...»* [Достоевский, с.242].

То есть при рассмотрении портрета Порфирия Петровича с психологического ракурса, обращая внимание на его эмоциональное состояние, а не на визуальный облик, в одной и той же композиции (встреча Раскольников со следователем в его квартире) нам представлен совершенно другой образ, крайне контрастный по отношению к его художественному портрету.

Таким образом, с психологической точки зрения перед Раскольниковым появился совершенно новый человек – жёсткий, цепкий, холодный, пронизательный и расчётливый – действительно настоящий следователь со всеми необходимыми ему в работе качествами.

Отмеченный контраст подчёркивается и самим автором во время визита Раскольникова в кабинет следователя: *«Это многократное глупенькое повторение, что казённая квартира славная вещь, слишком... противоречило с серьёзным, мыслящим и загадочным взглядом, который он устремил теперь на своего гостя...»* [Достоевский, с.306].

Подобный контраст при рассмотрении одной фигуры с разных ракурсов, придаёт портрету Порфирия Петровича действительно, с одной стороны, некий оттенок оригинальности, загадочности, непредсказуемости персонажа, а с другой стороны, выделяет следователя как профессионала своего дела, который в первую очередь именно психологическими приёмами (грамотным сочетанием внешней мягкости и добродушия, с внутренней пронизательностью, острым умом, и знанием человеческой психологии) добился результата – признательных показаний Раскольникова.

Но ещё больше загадок и предположений без явных ответов возникает, если перейти от психологического ракурса к символическому рассмотрению портрета следователя, который невозможен без анализа внешнего художественного облика и внутреннего психологического описания героя. Итак, что мы увидим при этой форме анализа? Тайные скрытые смыслы со стороны глубокого погружения в семантику конкретных деталей образа. В частности, обратимся к символике самого имени следователя Порфирий Петрович.

Во-первых, это единственный персонаж романа, у которого нет фамилии. То есть, если у остальных персонажей фамилии есть и они говорящие, подчёркивающие смысл образов своих персонажей, то у следователя этот самый смысл сводится к имени и отчеству, и, по всей видимости, именно в этом их конкретном сочетании, и ни как иначе – Порфирий Петрович.

С одной стороны, порфира – это морская красная водоросль, раньше используемая как красный краситель [Водоросли, лишайники и мохообразные СССР... с.55]. С другой стороны, порфир – это одна из разновидностей горных вулканических пород, проще говоря, красный камень вулканического происхождения [Петрографический кодекс России... с.30]. И вот исходя из этих конкретных значений порфира, мы получаем очень интересное и символическое объяснение имени следователя, к тому же поразительно совпадающее с портретами двух предыдущих ракурсов.

Итак, морская водоросль – нечто мягкое, бесформенное, безобидное, податливое волнам. В принципе совпадает с первоначальным визуальным восприятием следователя как человека добродушного и мягкого. Далее, вулканический камень – а это, в свою очередь, уже символ второго психологического восприятия следователя, как человека твёрдого и жёсткого. То есть, одно слово «порфир», выраженное в имени, символически очень точно отражает контраст

портрета Порфирия Петровича, данный художественными и психологическими описаниями.

Более подробно про символизм водоросли – из водорослей производится агар-агар, некая желеобразная смесь с самым разнообразным назначением. Также агар-агар это одна из разновидностей камеди, она же гумми [Биологический энциклопедический словарь... с.9]. Вспоминаем как выглядит Порфирий Петрович – полноватая, «желеобразная» фигура, *«выражение глаз, с каким-то жидким водянистым блеском»* [Достоевский, с.229], и как он сам себя характеризует: *«иной раз, право, затрясусь, как гуммиластик»* [Достоевский, с.308].

Более подробно про символизм камня. Не только имя у следователя каменное (порфир как вулканический камень), но и отчество – Пётр по-гречески камень. То есть если переводить с языка образного на язык русский, то получаем, что Порфирий Петрович – камень каменный. И этот символический момент дополнительно подчёркивает твёрдую, принципиальную, жёсткую сторону портрета следователя.

И завершить рассмотрение портрета Порфирия Петровича с символического ракурса хочется, обратив внимание на цветовую символику.

Когда мы первый раз видим Порфирия Петровича (при визите Раскольников на квартиру следователя), главный цветовой акцент в портрете следователя – это жёлтый цвет: *«пухлое, круглое и немного курносое лицо его было цвета больного, тёмно-желтого»* [Достоевский, с.229]. И в той ситуации этот акцент действительно соответствует общей композиции портрета – жёлтый цвет подчёркивает улыбчивость, мягкость и добродушие персонажа на тот момент.

При смене композиции (визит Раскольников в кабинет следователя), меняется и цветовой акцент в портрете Порфирия Петровича: *«когда Порфирий, увидя, что и он тоже смеётся, закатился уже таким смехом, что почти побагровел»* [Достоевский, с.307]. И в этой композиции цветовой акцент вновь подчёркивает портрет следователя в соответствии с его состоянием. Перед нами уже не домашняя обстановка с добродушным Порфирием Петровичем, а следственный кабинет в котором работает серьёзный следователь над уголовным делом – раскрытием убийства старушки. Раскольников чувствует, что его ситуация усугубляется, и общение со следователем становится всё опасней. Возможно, эту опасность нам и подчёркивает красный (багровый) цвет лица Порфирия Петровича. Также, в данном случае, красный нам символически вновь выделяет не случайность имени Порфирий (от греческого багряный, красный).

То есть, если мы говорим о смене цветовых акцентов в одном портрете через символический ракурс, то подчеркиваем смену настроения Порфирия Петровича (с откровенно добродушного мягко-жёлтого, до крайне серьёзного опасного красного).

Очень символично эту смену портрета и композиции в контексте цвета подчёркивают фигуры красильщиков (маляров). Так на квартире следователя мы видим следующее:

«Так проходя-то в восьмом часу-с, по лестнице-то, не видали ль хоть вы, во втором-то этаже, в квартире-то отворённой – помните? – двух работников или хоть одного из них? Они красили там, не заметили ли?»

– Красильщиков? Нет, не видал... – медленно и как бы роаясь в воспоминаниях отвечал Раскольников...» [Достоевский, с.245].

А в кабинете следователя происходит уже ситуация такого содержания – один из маляров Миколка (Николай) пытается взять на себя вину за преступление Раскольникова, что серьёзным образом влияет на состояние последнего: *«Порфирий Петрович несколько мгновений стоял, как бы вдумываясь, но вдруг опять вспорхнулся и замахал руками на непрошенных свидетелей. Те*

мигом скрылись, и дверь притворилась. Затем он поглядел на стоявшего в углу Раскольникова, дико смотревшего на Николая» [Достоевский, с.323].

То есть в первой композиции мы не видим фигур маляров (Раскольников их отрицает), а во второй композиции такая фигура появляется как следственный ход Порфирия Петровича (как мы позже узнаём по тексту), и меняет всю тональность следствия: *«А Миколку-то тогда помните? Хорошо запомнили? Ведь это был гром-с! Ведь это гром грянул из тучи, громовая стрела!» [Достоевский, с.415].* Таким образом, символически фигуры маляров красильщиков действительно делают то, что должны делать – красят, перекрашивают следственную композицию, следственные действия с нейтральных жёлтых оттенков в опасные красные тона.

Заключение

Подводя итоги многостороннего знакомства с портретом Порфирия Петровича, отметим следующее.

Во-первых, Порфирий Петрович, если абстрагироваться от его функционала и философии, и полностью сосредоточиться на его образе, является крайне интересным персонажем: он многогранен, противоречив, при этом противоречия друг друга взаимодополняют, он и до конца не раскрытый, сохранивший в себе некие глубинные символические тайны и своей личности и своей роли в романе, и возможно даже всей концепции задумки романа, наверное, полностью так и непонятого потомками. То есть, как нам кажется, несмотря на все исследования, образ Порфирия Петровича до конца всё ещё не изучен, и мы предполагаем, что его фигура хранит в себе гораздо больше символизма и гораздо больше смыслов романа, чем кажется на первый взгляд. Как, в связи с этим, отмечает С.М. Соколовский: *«Оттенки исканий, сомнений и противоречий в мировоззрении и поступках персонажей Достоевского прослежены до мельчайших подробностей. Однако эти важнейшие, но отдельные стороны мировоззрения были настолько противоречивы, что не вмещались в один характер, рассыпались, и весь человек часто ускользал из поля зрения исследователя, дробился, оставался необъяснимым» [Соколовский, с.9].*

Во-вторых, Фёдор Михайлович Достоевский, создав такого уникального персонажа, детально его проработав, заложив в него настолько многоплановую глубоко-продуманную символику, но при этом так и не раскрыв до конца всю его суть и хранимые им тайны – показал себя (уже тогда в 1866 году) великим русским писателем с одной стороны, блестящим психологом и знатоком человеческих душ со второй стороны, и художником слова с третьей стороны. При этом Достоевский тут художник во всём – и прекрасный русский художественный язык (художник слова), и подробнейшие детальные описания портретов и пейзажей если смотреть шире (художник живописи), и движения души и мысли (художник чувств). Недаром, язык данной статьи местами имеет несколько живописный оттенок, выраженный в искусствоведческих терминах и описаниях, ведь чтение романов Фёдора Михайловича погружает человека мыслями и чувствами в его образы, а текст произведений воспринимается как некий холст, полотно текста, а не страницы со словами. Как об этом пишет всё тот же С.М. Соловьёв: *«Сотни и сотни книг посвящены тому, о чём писал Достоевский, каковы образы, идеи, характеры, типы в его произведениях, и значительно меньше сказано, как он писал... Огромная фигура философа, мыслителя, психолога долгое время заслоняла, а порой и сейчас продолжает заслонять Достоевского художника» [Соколовский, с.3].*

Библиография

1. Адамян В. Манипулятивная игра Порфирия Петровича в романе «Преступление и наказание» // Вестник Ереванского университета. Серия «Русская филология». 2024. Т. 9. № 2 (23). С. 3–14.
2. Алексеева М.А. «Весьма важная штука понять, в какую сторону развит человек...»: образ Порфирия Петровича в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Филологический класс. СПб., 2013. № 1 (31). С. 65–71.
3. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Эксмо, 2017. 640 с.
4. Биологический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1986. 831 с.
5. Брецинский Д. Порфирий Петрович. Художественный образ и композиционная функция следователя в «Преступлении и наказании» Достоевского // Современник. 1971. № 22–23. С. 26–27.
6. Ветловская В.Е. Логическая основа художественного текста, или что скрывает Порфирий Петрович в «Преступлении и наказании» Ф.М. Достоевского? // Проблемы исторической поэтики. Петрозаводск, 2020. Т. 18. № 1. С. 239–259.
7. Ветловская В.Е. Прототипы героев Достоевского: пристав следственных дел Порфирий Петрович и не только // Словесность и история. СПб., 2022. № 4. С. 68–102.
8. Водоросли, лишайники и мохообразные СССР. М.: Мысль, 1978. 365 с.
9. Гроссман Л.П. Достоевский. М.: Астрель, 2012. 544 с.
10. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 2. Преступление и наказание: Роман в шести частях с эпилогом; Игрок: Роман. М.: Лексика, 1994. 640 с.
11. Евлампиев И.И. Философия человека в творчестве Ф. Достоевского (от ранних произведений к «Братьям Карамазовым»). СПб.: Русская христианская гуманитарная академия, 2012. 588 с.
12. Ищенко Н.С. Порфирий Петрович как Сократ в сюжете «Преступления и наказания» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. М., 2023. № 2 (22). С. 45–56.
13. Касаткина Т.А. «Жирный» и «полный» в «Преступлении и наказании». К апологии Порфирия Петровича // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. М., 2024. № 1 (25). С. 29–44.
14. Квашнина Е.И. Роман Достоевского «Преступление и наказание» и проблемы следствия и правосудия в пореформенной России // Вестник Пензенского государственного университета. Пенза, 2022. № 4 (40). С. 74–79.
15. Манолакев Х.П. Порфирий Петрович и Раскольников: герменевтика двойничества // Филологический класс. СПб., 2021. Т. 36. № 4. С. 52–60.
16. Нестеренко А.А. Языковые особенности следователя Порфирия Петровича // Сборник материалов Международной научно-практической конференции «Вопросы науки и образования: новые подходы и актуальные исследования». Чебоксары, 2021. С. 168–170.
17. Першкина А.Н. «Преступление и наказание» в контексте реформ уголовного законодательства в середине 1860-х годов. Дополнение к комментарию // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. М., 2022. № 3 (19). С. 159–168.
18. Петрографический кодекс России: магматические, метаморфические, метасоматические, импактные образования. СПб., 2009. 200 с.
19. Сафонова С.Ю. Образ следователя как новый тип сыщика в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград, 2012. № 6 (70). С. 102–105.
20. Соколовский С.М. Изобразительные средства в творчестве Ф.М. Достоевского. М.: Советский писатель, 1979. 352 с.

Portrait of Investigator Porfiriy Petrovich in F.M. Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment": Artistic, Psychological, and Symbolic Perspectives

Ainur Kh. Voitovich

Lecturer, Police Lieutenant Colonel,
Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
625049, 88, Amurskaya str., Tyumen, Russian Federation;
e-mail: hazar22@rambler.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the character of investigator Porfiry Petrovich in Fyodor Mikhailovich Dostoevsky's novel "Crime and Punishment." The focus of the study is the portrait of the investigator, examined sequentially and in detail from three points of view — artistic (visual), psychological (emotional), and symbolic (semantic), in their interrelation and complementarity with each other. As a result of the study, on the one hand, a conclusion is drawn about the extremely profound development of this character by the author, and on the other hand, the mastery and genius of Dostoevsky as an artist (an artist of words, an artist of images, an artist of meanings) are once again noted.

For citation

Voitovich A.Kh. (2026) Portret sledovatelya Porfiriya Petrovicha v romane F.M. Dostoevskogo "Prestupleniye i nakazaniye": khudozhestvennyy, psikhologicheskii i simvolicheskiy rakursy [Portrait of Investigator Porfiry Petrovich in F.M. Dostoevsky's Novel "Crime and Punishment": Artistic, Psychological, and Symbolic Perspectives]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 16 (2A), pp. 23-31. DOI: 10.34670/AR.2026.38.12.003

Keywords

Dostoevsky, literature, novel "Crime and Punishment", artistic language, symbolism, risk management, research methodology.

References

1. Adamyanyan, V. (2024). Manipulyativnaya igra Porfiriya Petrovicha v romane "Prestuplenie i nakazanie" [Porfiry Petrovich's manipulative game in the novel "Crime and Punishment"]. *Vestnik Erevanskogo universiteta. Seriya "Russkaya filologiya"*, 9(2), 3–14.
2. Alekseeva, M. A. (2013). "Vesma vazhnaya shtuka ponyat, v kakuyu storonu razvit chelovek...": obraz Porfiriya Petrovicha v romane F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" ["It is a very important thing to understand in which direction a person is developed...": the image of Porfiry Petrovich in Dostoevsky's novel "Crime and Punishment"]. *Filologicheskii klass*, (1), 65–71.
3. Bakhtin, M. M. (2017). *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics]. Eksmo.
4. *Biological Encyclopedic Dictionary*. (1986). Sovetskaya entsiklopediya.
5. Brezhchinskiy, D. (1971). Porfiry Petrovich. Khudozhestvennyy obraz i kompozitsionnaya funktsiya sledovatelya v "Prestuplenii i nakazanii" Dostoevskogo [Porfiry Petrovich. Artistic image and compositional function of the investigator in Dostoevsky's "Crime and Punishment"]. *Sovremennik*, (22–23), 26–27.
6. Dostoevsky, F. M. (1994). *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment]. In *Collected works in seven volumes* (Vol. 2). Leksika.
7. Evlampiev, I. I. (2012). *Filosofiya cheloveka v tvorchestve F. Dostoevskogo (ot rannikh proizvedeniy k "Brat'yam Karamazovym")* [Philosophy of man in the works of F. Dostoevsky (from early works to "The Brothers Karamazov")]. *Russkaya khristianskaya gumanitarnaya akademiya*.
8. Grossman, L. P. (2012). *Dostoevskiy* [Dostoevsky]. Astrel.
9. Ishchenko, N. S. (2023). Porfiry Petrovich kak Sokrat v syuzhete "Prestupleniya i nakazaniya" [Porfiry Petrovich as Socrates in the plot of "Crime and Punishment"]. *Dostoevskiy i mirovaya kultura. Filologicheskii zhurnal*, (2), 45–56.
10. Kasatkina, T. A. (2024). "Zhirnyy" i "polnyy" v "Prestuplenii i nakazanii". K apologii Porfiriya Petrovicha ["Fat" and "full" in "Crime and Punishment". Toward an apology for Porfiry Petrovich]. *Dostoevskiy i mirovaya kultura. Filologicheskii zhurnal*, (1), 29–44.
11. Kvashnina, E. I. (2022). Roman Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" i problemy sledstviya i pravosudiya v poreformennoy Rossii [Dostoevsky's novel "Crime and Punishment" and the problems of investigation and justice in post-reform Russia]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*, (4), 74–79.
12. Manolakev, Kh. P. (2021). Porfiry Petrovich i Raskolnikov: germenetika dvoynichestva [Porfiry Petrovich and Raskolnikov: Hermeneutics of duality]. *Filologicheskii klass*, 36(4), 52–60.
13. Nesterenko, A. A. (2021). Yazykovye osobennosti sledovatelya Porfiriya Petrovicha [Linguistic features of investigator Porfiry Petrovich]. In *Voprosy nauki i obrazovaniya: novye podkhody i aktualnye issledovaniya* (pp. 168–170). Cheboksary.

14. Pershkina, A. N. (2022). "Prestuplenie i nakazanie" v kontekste reform ugolovnogo zakonodatelstva v seredine 1860-kh godov. Dopolnenie k kommentariyu ["Crime and Punishment" in the context of criminal law reforms in the mid-1860s. Supplement to the commentary]. *Dostoevskiy i mirovaya kultura. Filologicheskiy zhurnal*, (3), 159–168.
15. Petrographic Code of Russia: Magmatic, metamorphic, metasomatic, impact formations. (2009). St. Petersburg.
16. Safonova, S. Yu. (2012). Obraz sledovatelya kak novyy tip syshchika v romane F.M. Dostoevskogo "Prestuplenie i nakazanie" [The image of the investigator as a new type of detective in Dostoevsky's novel "Crime and Punishment"]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (6), 102–105.
17. Sokolovskiy, S.M. (1979). Izobrazitelnye sredstva v tvorchestve F.M. Dostoevskogo [Visual means in the works of F.M. Dostoevsky]. *Sovetskiy pisatel*.
18. Vetlovskaya, V. E. (2020). Logicheskaya osnova khudozhestvennogo teksta, ili chto skryvaet Porfiriy Petrovich v "Prestuplenii i nakazanii" F.M. Dostoevskogo? [The logical basis of the literary text, or what does Porfiriy Petrovich hide in Dostoevsky's "Crime and Punishment"?]. *Problemy istoricheskoy poetiki*, 18(1), 239–259.
19. Vetlovskaya, V. E. (2022). Prototipy geroev Dostoevskogo: pristav sledstvennykh del Porfiriy Petrovich i ne tolko [Prototypes of Dostoevsky's heroes: bailiff of investigative cases Porfiriy Petrovich and others]. *Slovesnost i istoriya*, (4), 68–102.
20. Vodorosli, lishayniki i mokhoobraznye SSSR [Algae, lichens and bryophytes of the USSR]. (1978). *Mysl*.